

18+

НАТАЛЬЯ С
— В ТЕНИ —
ЗАБЫТЫХ
БОГОВ

Наталья С.

В тени забытых богов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73750523

ISBN 9785006951341

Аннотация

В сердце Владимирской губернии, где древние леса хранят тайны, московский конторщик Сергей возвращается в родную Кленовку. Здесь он встречает Варвару – девушку, чьё появление переворачивает его жизнь. Но прошлое не желает отпустить: земля помнит кровь, а тени забытых богов всё ещё требуют платы. Семейная сага, основанная на реальных событиях, о любви, надежде и цене, которую приходится платить.

Содержание

В тени забытых богов	5
Конец ознакомительного фрагмента.	40

В тени забытых богов

Наталья С.

© Наталья С., 2026

ISBN 978-5-0069-5134-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В тени забытых богов

Роман

Глава 1

Август 1905 года. Село Кленовка Владимирской губернии.

Дорога из Москвы в Кленовку заняла два дня. Сергей Иванович Кудрин ехал на перекладных – то в телеге, то в попутной бричке, – и с каждым верстовым столбом воздух становился другим: гуще, напоённое, живее. Пахло хлебом, прелой листвой, дымом от овинов. Запахи детства, которые он, казалось, давно забыл в московской конторе, среди счетов и накладных.

Он не был здесь десять лет. С тех пор как отец увёз его в Москву – пятнадцатилетнего, упрямого, не желавшего уезжать, – а мать осталась одна в старом доме, где стены помнили ещё прабабку-ведунью. Тогда он плакал, цепляясь за материнский подол. Теперь ему двадцать пять, и он возвращается взрослым мужчиной, конторщиком, продолжателем семейного ремесла.

Отец умер шесть лет назад, тихо, во сне, будто просто устал жить. Сергей принял его наследство: контору строителя, торговлю лесом. Счетами, накладными и договорными бумагами была забита вся его московская жизнь, и порой

ему казалось, что он сам превратился в одну из этих бумаг – гладкую, ровную, исписанную чужими словами.

И всё же в 1905-м он вернулся. Навестить мать. Он не видел её со дня похорон, когда она стояла у могилы прямая и сухая, без единой слезинки, и смотрела не на гроб, а куда-то сквозь него, будто различала что-то, недоступное остальным.

Сергей сошёл с телеги у околицы, расплатился с возницей и остался стоять, глядя на село. Кленовка не изменилась: те же покосившиеся избы с резными наличниками, тот же пруд, где в детстве он ловил раков, тот же дуб на холме, под которым, по слухам, была зарыта кладка серебряных монет. Только теперь всё казалось меньше, теснее, будто село съёжилось за эти годы. Или это он сам вырос и перестал вмещаться в собственные воспоминания.

Он поправил картуз, одёрнул сюртук – городской, неуместный здесь, среди телег и куриного кудахтанья, – и пошёл по знакомой тропинке к материнскому дому. Ноги сами несли его мимо колодца с покосившимся журавлём, мимо овина, где он в детстве прятался от грозы. Вспомнилось, как мать тогда шептала ему на ухо: «Не бойся, Серёженька, это Перун играет, он не тронет своих». А потом грянул гром, и Сергей, выглянув в щель меж досок, увидел, как молния ударила в дуб на холме – дерево вспыхнуло, но не сгорело, а лишь почернело изнутри, будто обуглилось до самого сердца.

Дуб стоял до сих пор. Чёрный, корявый, живой.

***

Дом Ольги Васильевны Фоминой стоял на отшибе, заросший сиренью и крапивой так густо, что к крыльцу приходилось пробираться бочком. Кровля местами просела, ставни покосились, и всё строение имело вид заброшенный, нежилой, хотя из трубы тянулась тонкая струйка дыма.

Сергей постучал. Никто не ответил. Он постоял, прислушиваясь, – изнутри доносился мерный скрип, будто кто-то раскачивался на стуле или вращал что-то, – а потом толкнул створку. Та поддавалась неохотно, со скрипом, будто впускала чужого.

Внутри пахло травами, воском и чем-то ещё – старым, забытым, чем-то, что он помнил с детства, но не мог назвать. На столе стояла миска с квашеной капустой, рядом лежала недошитая рубаха. Пучки сушёных трав свисали с потолочных балок, икона в углу потемнела от времени и копоти.

Ольга Васильевна сидела у окна, спиной к порогу, и прядла лён. Веретено жужжало в её пальцах, нить тянулась ровная, тонкая.

– Здравствуй, матушка, – сказал Сергей.

Веретено замерло. Но мать не обернулась.

– Явился, – сказала она тихо, и в голосе её не было ни радости, ни упрёка – только усталая констатация. – Думала, не дождусь.

Сергей подошёл ближе. Мать постарела – сильно постаре-

ла за эти шесть лет. Волосы, когда-то тёмные, как смоль, теперь были совсем седыми, собранными в жидкий узел на затылке. Лицо иссечено морщинами, руки – те самые руки, что когда-то гладили его по голове и пекли ему пироги с яблоками – стали сухими и узловатыми, как корни старого дерева.

Но глаза остались прежними. Зелёные, как вода в пруду на рассвете, глубокие, всё понимающие. Они смотрели на него с холодным прищуром, будто мать видела не только его, но и что-то за ним – что-то, чего он сам не знал.

– Я приехал... – начал Сергей и осёкся, не зная, как продолжить. – Давно собирался. После... после похорон.

– После похорон, – повторила она, будто пробуя слова на вкус. – Шесть лет ты собирался.

Её взгляд скользнул по его городскому костюму, по начищенным сапогам, по рукам с чистыми ногтями – рукам, непривычным к тяжёлой работе.

– Конторщик, значит, – сказала она, и в голосе мелькнула лёгкая усмешка. – Отец бы доволен был: ремесло его не бросил.

Сергей сжал зубы. Он знал, что мать никогда не любила Москву. Для неё это было место, где люди теряют корни, где духи молчат, а старые боги не слышат молитв. Она не хотела отпускать его тогда, десять лет назад, но отец настоял, и она уступила – молча, непрощающе.

– Я привёз тебе денег, – сказал он, доставая из кармана свёрток. – На починку, на хозяйство. Кровля совсем проху-

дилась, да и ставни...

Ольга Васильевна не прикоснулась к свёртку.

– Не надо, – сказала она ровно. – Мне ничего не нужно.

Наступило молчание – тяжёлое, вязкое. Сергей огляделся. Изба была всё та же: образа в углу, пучки трав под потолком, сундук у печи, где в детстве он находил старые берестяные грамоты с непонятными письменами. Только теперь всё это казалось чужим, далёким, будто он смотрел на декорации к чьей-то чужой жизни.

– Ты надолго? – спросила мать.

– На неделю. Хоть так по хозяйству помогу, кровлю подлатаю. – Он помолчал. – И ещё надо бы повидаться с роднёй в Ольховке. Земля там отцовская осталась.

Ольга Васильевна поморщилась, будто он сказал что-то неприятное.

– Ольховка... – Она вздохнула. – Туда лучше не ходить, Серёжа.

– Почему?

– Потому что там нечисто. – Голос её стал резким, предостерегающим. – Земля там проклята. Твой отец купил её у мужика, который повесился на том самом месте. А до того там хоронили самоубийц и утопленников. Не зря же он сам там жить не смог.

Сергей вспомнил слова отца – тот говорил их в бреду, перед самой смертью, и Сергей принял их тогда за горячечный бред: «В Ольховке под усадьбой спрятан клад – не золото,

а кость предка. Не трогай её, Серёжа. И землю не отдавай никому».

Но вслух он этого не сказал.

– Всё равно надо съездить, – упрямо ответил он. – Посмотреть, что там и как. Может, избу поставлю когда-нибудь. Или продам по уму.

Мать посмотрела на него долгим взглядом, будто пыталась заглянуть в самую глубину его души.

– Ты не слушаешь, – сказала она наконец. – Как и твой отец. Думаешь, всё можно купить, продать, перестроить по своему разумению. А земля – она живая, Серёжа. Она помнит. И она не прощает.

Сергей промолчал. Что тут скажешь?

– Ты думаешь, боги умерли вместе с дедами? – продолжила мать, и голос её стал тихим, почти шёпотом. – Они не умерли. Они просто стали тенями. И теперь живут в тени от наших домов, в шелесте листвы, в скрипе половиц. Они смотрят. И ждут.

– Чего ждут?

Но Ольга Васильевна не ответила. Она снова взялась за веретено, и нить потянулась из-под её пальцев – тонкая, ровная, бесконечная.

– Делай что хочешь, – сказала она, не глядя на сына. – Только не ходи в лес ночью. И не пей воду из колодца за овином.

– Почему?

– Потому что там русалка живёт. И она не любит чужих.

Сергей не нашёлся что ответить. Он постоял ещё немного, глядя на согбенную спину матери, на её худые плечи, на седые волосы, – и вышел во двор. Солнце уже клонилось к закату, и тени деревьев легли длинными полосами на траву.

Русалки, проклятая земля, кости предков... Мать всегда была такой – наполовину здесь, наполовину в каком-то другом мире, который Сергей не видел и не понимал. В детстве это пугало и завораживало одновременно. Теперь – только печалило.

Он огляделся. Кровля и правда прохудилась – в нескольких местах просвечивало небо. Забор покосился. Сирень разрослась так, что заслонила окна. Работы хватит на всю неделю, если не больше.

Что ж, решил Сергей, хоть какой-то толк от его приезда будет.

***

На следующий день Сергей решил пройтись по селу.

Ему хотелось вспомнить детство, увидеть знакомые места, убедиться, что память не врёт и Кленовка его детства действительно существовала, а не приснилась ему когда-то давно. Он шёл мимо покосившихся плетней, мимо колодцев, мимо яблонь, ветви которых гнулись под тяжестью незрелых плодов. Мимо пруда, где когда-то купался с деревенскими мальчишками, где учился плавать, где однажды чуть не утонул – его вытащила соседская девчонка, рыжая, веснушча-

тая, имени которой он уже не помнил.

И вдруг он услышал смех.

Женский смех – звонкий, лёгкий, как перезвон колокольчиков.

На берегу пруда сидела девушка. Она полоскала бельё, склонившись к воде, и солнечные блики играли вокруг её рук, сверкая, как рассыпанные жемчужины. Волосы у неё были светлые, почти золотые, заплетённые в толстую косу, перевитую алой лентой.

Она подняла голову – почувствовала его взгляд – и Сергей увидел её лицо. Круглое, с румяными щеками, с ямочками, которые появлялись, когда она улыбалась. Глаза – цвета спелой ржи, тёплые и насмешливые одновременно.

– Здравствуйте, – сказала она звонко. – Вы, наверное, Сергей Иванович?

Сергей удивился.

– Да. А вы откуда знаете?

– В селе все про всех знают, – засмеялась она. – Особенно про тех, кто приезжает из Москвы. Тут уже третий день только о вас и разговоров.

Она поднялась, отряхнула руки о передник и подошла к нему – легко, без смущения, будто они были знакомы всю жизнь.

– Меня зовут Варвара. Варвара Тимофеевна Андреева. Можно просто Варя – меня все так зовут.

Сергей поклонился, чувствуя себя неуклюже в своём го-

родском костюме.

– Очень приятно.

Варя снова засмеялась.

– Вы так чудно говорите! Как в книжках. «Очень приятно», – передразнила она, но не зло, а весело, будто приглашала посмеяться вместе с ней. – У нас проще: «Здорово, Варя! Как живёшь?»

– Ну тогда... здорово, Варя. Как живёшь?

– Хорошо живу! – Она махнула рукой в сторону пруда. – Вот, бельё полощу. Матушка велела.

Она говорила легко, без затей, и Сергей вдруг поймал себя на мысли, что ему хочется слушать её голос – просто слушать, не вникая в смысл слов.

– Вы надолго к нам? – спросила Варя.

– На неделю. Мать навестить, по хозяйству помочь.

– Кровлю, небось, латать будете? – Она прищурилась. – У Ольги Васильевны совсем прохудилась. Мы с матушкой говорили ей – почини, мужиков позови, – а она всё отмахивается: не надо, сама справлюсь.

– Упрямая она.

– Это да, – согласилась Варя. – Характерная женщина. Но добрая, если узнать её получше.

Сергей хотел возразить – ему мать никогда не казалась особенно доброй, – но промолчал.

– А вы в Ольховку поедете? – спросила вдруг Варя. – На ярмарку?

– Может быть. Надо бы посмотреть, что там с отцовской землёй.

– Поезжайте, – сказала она серьёзно. – Там интересно. И земля ваша... она особенная.

– Особенная?

Варя помолчала, глядя куда-то мимо него, в сторону леса.

– Так люди говорят, – сказала она наконец. – Что земля та – непростая. Что она помнит всех, кто на ней жил. – Она встряхнула головой, будто отгоняя какие-то мысли, и снова улыбнулась. – Но это так, бабьи сказки. Не слушайте.

Она подхватила корзину с бельём.

– Мне пора. Матушка заждалась. – И добавила, уже уходя: – Если надумаете в Ольховку – завтра с утра возницы едут. Можно с ними.

Сергей смотрел ей вслед. На лёгкую походку, на косу, покачивающуюся в такт шагам, на алую ленту, вспыхивающую на солнце.

Сердце его билось странно – будто что-то сдвинулось внутри, встало на место.

«Что это со мной?» – подумал он.

И впервые за много лет почувствовал, что дом – настоящий дом – не в Москве, не в конторе, не в бумагах и сметах. А здесь, в селе, где пахнет травами и прудом, где девушки смеются как русалки, а старые боги живут в тенях.

***

Вечером Сергей сидел на крыльце и курил трубку. Мать

ушла к соседке – проведать захворавшую старуху, которую знала с детства, – и в избе стало непривычно тихо. Только сверчки стрекотали в траве да где-то вдалеке лаяла собака.

Он думал о Варваре. О её смехе, о её глазах цвета спелой ржи, о том, как легко она говорила с ним – без смущения, без жеманства, просто и открыто. Он привык к московским барышням – томным, манерным, прячущим лица за веерами и говорящим намёками. Варя была другой. Настоящей.

Почему она ему запомнилась так ярко? Они перекинулись лишь парой слов, да и встреча вышла случайной. Но что-то в ней зацепило – то ли искренность, то ли та странная фраза про землю, которая «помнит».

Шаги на тропинке отвлекли его от мыслей.

Он пригляделся – и увидел Варвару. Она шла к дому, закутанная в тёмный платок, в руках – узелок.

– Здравствуй, – сказала она тихо, останавливаясь у крыльца.

– Здравствуй. – Сергей поднялся. – Что ты здесь делаешь? Поздно уже.

– Принесла тебе кое-что. От матушки. – Она протянула узелок. – Она слышала, что ты приехал, и велела передать.

Сергей развернул ткань. Внутри лежал мешочек с сушёными травами – пахло мятой, зверобоем, ещё чем-то незнакомым, терпким.

– Это от чего?

– От тоски, – серьёзно ответила Варвара. – Ты же из го-

рода. Там люди часто тоскуют по тому, чего у них нет.

Сергей посмотрел на неё, на её спокойное лицо, освещённое лунным светом.

– Откуда ты знаешь, что я тоскую?

– Вижу, – сказала она просто. – У тебя глаза такие. Будто ищешь чего-то и найти не можешь.

Он молчал. Она была права – хотя он и сам не смог бы объяснить, по чему именно тоскует.

– Ты скоро уедешь, – сказала Варвара. – Я знаю.

– Почему ты так думаешь?

– Потому что ты не принадлежишь этому месту. Ты как птица, которая залетела в чужой сад. Поклюёт зёрен – и улетит.

– А если я не захочу улетать?

Варвара посмотрела на него – долго, внимательно, будто взвешивала что-то невидимое.

– Тогда останешься, – сказала она тихо. – Но это будет нелегко.

Она повернулась, чтобы уйти, но Сергей шагнул вперёд и взял её за руку. Ладонь была тёплая, шершавая от работы.

– Подожди.

Она остановилась, но руки не отняла.

– Я хочу тебя снова увидеть, – сказал он.

Варвара улыбнулась – быстро, почти испуганно.

– Ты увидишь. Завтра, на ярмарке в Ольховке.

– Ты там будешь?

– Буду. – Она осторожно высвободила руку. – Поезжай, Сергей Иванович. Тебе нужно увидеть свою землю.

И, не дав ему ответить, она скользнула в темноту – быстро, бесшумно, будто растворилась в ночи.

Сергей остался стоять на крыльце. В руке он всё ещё сжимал мешочек с травами, и запах мяты смешивался с ароматом ночи – прелой листвы, остывающей земли, далёкого дыма.

Впервые за много лет он почувствовал: его жизнь вот-вот изменится. И он ничего не сможет с этим поделать.

***

Той ночью Сергей не спал.

Он лежал на лавке, укрывшись тулупом, и смотрел в потолок, где висели пучки трав, сушились связки грибов, и где когда-то, в детстве, он видел теней домовых – маленьких, юрких, мелькавших в углах, когда гасла лучина.

Изба скрипела и вздыхала, будто живая. За окном шумел ветер. А потом Сергей услышал шёпот.

Сначала он подумал, что это ветер – просто ветер в листве, ничего больше. Но шёпот становился отчётливее, настойчивее. Кто-то звал его по имени.

«Сергей... Сергей Иванович...»

Голос был тихим, но настойчивым, и шёл он не снаружи, а будто изнутри самого дома – из стен, из потолочных балок, из тёмных углов.

«Ты должен вернуться, – шептал голос. – Земля ждёт тебя.»

Род зовёт».

Сергей сел на лавке. Сердце колотилось. Он огляделся – в избе было темно, только лунный свет сочился сквозь щели в ставнях, рисуя на полу бледные полосы.

Он встал и подошёл к окну. Отодвинул ставню.

За стеклом, в лунном свете, он увидел фигуру. Высокую, сторбленную, с длинными седыми волосами, развевающимися на ветру. Это была не мать. Это был кто-то другой – кто-то, кого он никогда не видел, но кого будто знал всегда.

«Кто ты?» – хотел спросить Сергей, но голос застрял в гортани.

Фигура подняла руку – медленно, торжественно – и указала на восток, туда, где за лесом лежала Ольховка.

«Там твой путь, – прошелестел голос. – Там твоё проклятие. Там твоя любовь».

И вдруг всё исчезло. Фигура растворилась в лунном свете, шёпот смолк, и остались только ветер в листве да уханье филина где-то вдалеке.

Сергей долго стоял у окна, глядя в темноту. Потом вернулся на лавку и лёг, но уснуть не смог до самого рассвета.

Он знал, что завтра поедет в Ольховку. Что там его ждёт что-то важное – что-то, что изменит его жизнь навсегда.

И он ничего не мог с этим поделать. Да и не хотел.

Глава 2

Сентябрь 1905 года. Село Ольховка Владимирской губер-

нии.

Утро выдалось туманное, влажное, словно сама земля ещё не проснулась. Сергей запряг материнскую лошадь – старую гнедую кобылу по кличке Зорька – и выехал из Кленовки до рассвета. Мать не вышла проводить. Только из-за занавески глухо бросила:

– Смотри там, в Ольховке. Земля чужих не любит.

Он не ответил. Лишь крепче взял вожжи.

Дорога уходила в лес – старый, еловый, с густым подлеском из орешника и бузины. Туман стелился по низинам, цеплялся за ветви, ложился на колёса телеги холодной сыростью. Иногда Сергею казалось, что он едет не по дороге, а по облаку – зыбкому, непрочному. Лес молчал. Ни птичьего крика, ни шороха зверя – только скрип колёс да мерное дыхание Зорьки.

На развилке стоял крест.

Покосившийся, почерневший от времени, с едва различимой надписью. Сергей остановил лошадь и, щурясь, разобрал:

«Здесь лежит раб Божий Ефим, принявший смерть от своей руки. Господи, помилуй».

Самоубийца. Тот самый.

Сергей перекрестился – скорее по привычке, чем по вере – и тронул вожжи. Но Зорька захрапела, упёрлась, попятилась, прядя ушами и кося глазом на крест, будто различала там то, что человеческому глазу недоступно.

– Ну будет тебе... – Сергей прыгнул и взял её под уздцы. – Пойдём. Никого там нет.

Он провёл кобылу мимо могильного холмика, заросшего крапивой. Старался не смотреть, но взгляд сам собой скользнул к туману, клубившемуся над землёй – слишком густому, слишком неподвижному.

Когда он снова сел в телегу, за спиной послышался звук – глубокий, протяжный вздох. С присвистом.

Сергей резко обернулся.

Никого.

Только туман медленно стягивался над крестом, словно прикрывая что-то.

«Показалось», – сказал он себе.

Но Зорька побежала быстрее обычного, и Сергей не стал её останавливать.

Ольховка встретила его шумом ярмарки. После лесной тишины это казалось почти оглушительным: гул голосов, визг поросят, стук бочек, крики зазывал. Каменная церковь возвышалась над крышами, трактир распахнул двери, вдоль улицы тянулись лавки с глиняной посудой, лентами, тканями.

Сергей привязал Зорьку у коновязи и пошёл искать волостного писаря. Нужно было оформить бумаги – закрепить за собой отцовскую землю. Дело, казалось бы, простое. Но в провинции всё делалось не спеша, с оглядкой, с долгими разговорами о том, «как лучше».

– Сергей Иванович!

Он обернулся – и сразу увидел Варвару.

Она стояла у лотка с лентами, в светлом платке, с корзиной на локте. Щёки её горели румянцем, в глазах плясали смешинки.

– А я знала, что ты приедешь, – сказала она, подходя ближе.

– Ты и впрямь колдунья.

– Не колдунья. Просто слушаю, – она взяла его под руку так естественно, словно имела на это право. – А люди говорят много.

И говорили действительно много.

Что москвич явился смотреть дурную землю.

Что отец его купил её у Ефима-висельника.

Что там ничего не растёт, кроме полыни да лебеды.

Что дом строить на таком месте – беду звать.

Сергей слушал, и с каждой фразой внутри холодело.

– И это ещё не всё, – Варвара понизила голос. – Афанасий Дмитриевич Фомин там хозяйничает. С тех пор как отец твой умер. Семь лет уже.

– Какой Афанасий?

– Брат твой двоюродный. Сын брата твоей матери.

Сергей нахмурился. Мать никогда не говорила о брате. Словно не существовало его вовсе.

– Он землю своей считает, – продолжала Варвара. – Говорит, Иван Александрович ему её обещал. Бумаг, правда, нет.

Сергей молчал. Теперь материнское «не ходи» обрело иной смысл.

– Пойдём, – сказала Варвара мягче. – Покажешь мне её. Он не стал спрашивать зачем.

Участок лежал за ольховой рощей, в стороне от села. Когда они вышли к меже, солнце уже разогнало туман, и земля лежала перед ними открытая, беззащитная.

Сергей остановился.

Он помнил это место. Высокая трава по пояс, покосившийся колодец и серый плоский камень с выемкой – словно чаша, выдолбленная в самой плоти земли.

Теперь трава была скошена. Стояла изба – небольшая, крепкая, с покатой крышей. Рядом – сарай, огород, копна сена. Земля была обжита.

– Вот она, – тихо сказала Варвара.

Сергей смотрел на камень.

Отец однажды привёз его сюда, когда Сергею было лет восемь. Тогда сказал: «Не подходи. Старое место».

А перед смертью, уже в горячке, прошептал другое: «Под камнем – кость предка. Не трогай. И землю не отдавай».

Тогда Сергей решил, что это бред.

Теперь – не был так уверен.

– Эй! Ты кто такой?

Голос был хриплый, тяжёлый.

К ним шёл мужчина – широкоплечий, с обветренным лицом. И в этих чертах – в прищуре глаз, в тяжёлой складке

губ – Сергей неожиданно увидел родство.

Афанасий.

Слова их звучали ровно, но под ними перекатывалась напряжённость – густая, как перед грозой. Афанасий говорил о семи годах работы, о поте, о доме, поставленном своими руками. Сергей – о праве, о наследстве, о бумагах.

Они стояли почти вплотную, одинакового роста, почти одного сложения – словно две версии одного человека. Только один пах смолой и землёй, другой – городом и табаком.

Наконец Афанасий отступил.

– Оформляй бумаги, – сказал он глухо. – Но помни: я эту землю просто так не отдам.

И ушёл к своей избе.

Сергей подошёл к камню.

Вблизи тот казался выше, тяжелее. Выемка была глубиной в ладонь, по краям темнели бурые разводы – не то смола, не то что-то другое.

Он протянул руку.

– Не трогай.

В голосе Варвары впервые прозвучала тревога.

– Это требный камень, – сказала она тише. – На нём жертвы приносили. До крещения ещё.

Сергей посмотрел на неё – хотел усмехнуться, но не смог.

Потому что вдруг наступила тишина.

Даже ветер стих.

И в этой тишине он услышал то же, что утром у креста:

глубокий, протяжный вздох.

Не из воздуха.

Из-под земли.

Шли обратно молча.

Лишь когда ольховая роща осталась позади, Сергей спросил:

– Ты веришь во всё это?

Варвара долго не отвечала.

– Я верю в последствия, – сказала она наконец. – Ефим жил здесь – и повесился. Твой отец купил землю – и не остался. Афанасий пашет её семь лет – а радости в нём нет. Может, совпадение. А может, нет.

Она остановилась.

– Я хочу, чтобы ты был рядом, – сказала она тихо. – Где угодно. Только не здесь.

Сергей сжал её пальцы.

– А если меня зовут?

– Тогда слушай, – ответила она. – Но помни: если ты что-то возьмёшь у этой земли – она возьмёт взамен.

Солнце клонилось к закату. Тени вытягивались длинными полосами. Сергей шёл рядом с ней и чувствовал: выбор уже начал делаться – не разумом, а чем-то более древним.

У околицы она остановилась.

– Дальше не надо, – сказала тихо. – Языки длинные.

– Пусть.

– Пока – нет. Если решишь... приходи к отцу. По-людски.

Она улыбнулась – грустно, одними губами – и ушла в сумерки.

Сергей ещё долго стоял, глядя в темноту. Ему казалось, что где-то за лесом, за рощей, под серым камнем, что-то шевельнулось.

И впервые мысль о доме в Ольховке перестала быть простой хозяйственной затеей.

Это было приглашение.

Или вызов.

Глава 3

Сентябрь 1905 года. Село Кленовка Владимирской губернии.

Неделя прошла как один день. Сергей говорил себе: завтра уеду. Послезавтра. В понедельник точно. Но понедельник приходил, а он всё ещё был в Кленовке.

Отчасти виной тому была крыша. Материнский дом обветшал за те годы, что Сергей провёл в Москве. Ставни покосились, брёвна потемнели, а крыша текла в трёх местах – мать подставляла тазы и молчала, но Сергей видел: плохо. На третий день он полез чинить.

Работа оказалась знакомой. Руки помнили то, чему научился ещё мальчишкой – как держать топор, как класть drankу, как промазывать щели смолой. К вечеру спина ныла, ладони покрылись мозолями, но крыша больше не текла.

Мать смотрела, как он спускается по лестнице. Ничего

не сказала. Только поставила на стол миску щей и краюху хлеба. Для Ольги Васильевны это было почти как «спасибо».

Но крыша была только отчасти. А по большей части виной была Варвара.

***

Они виделись каждый день. То случайно у колодца, то на тропинке к лесу, то у пруда – там, где вода стояла тихая, тёмная, и только стрекозы чертили над ней невидимые письмена. Сергей убеждал себя, что это совпадения. Но на третий день перестал убеждать.

Он ждал её. И она приходила.

– Ты опять здесь, – говорила Варвара, присаживаясь рядом на поваленное дерево. – Работы в Москве нету?

– Есть. Но подождёт.

– Богатый, значит. Можешь позволить.

– Не богатый. Просто... – он замолкал, не находя слов.

– Просто – что?

Сергей смотрел на неё. На выбившуюся прядь из-под платка, на ямочку на щеке, на руки – загорелые, с короткими ногтями, привыкшие к работе. В Москве барышни носили перчатки и прятали ладони. А у Варвары руки были открытые, честные. Такие руки не врут.

– Просто не хочу уезжать, – сказал он наконец.

Варвара отвела взгляд. Но уголки губ дрогнули.

***

На четвёртый день она повела его в лес – показать место,

где растёт черника. Так, по крайней мере, она сказала.

Лес начинался сразу за околицей – старый, еловый, с редкими прогалинами, где пробивалось солнце. Пахло хвоей, прелой листвой, грибами. Сергей шёл за Варварой по узкой тропинке и думал о том, что в Москве он забыл, как пахнет лес. Там был только дым, пыль, конский навоз.

– Ты ходишь сюда одна? – спросил он.

– А с кем ещё?

– Не боишься?

Варвара обернулась. Улыбнулась.

– Чего мне бояться? Я тут каждое дерево знаю. И они меня знают.

Это прозвучало странно. Не как шутка – как простая правда.

Черника росла на поляне у ручья. Кусты низкие, усыпанные тёмными ягодами. Варвара присела, начала собирать в подол. Сергей опустился рядом.

– Моя мать, – сказал он, – говорит, что в лесу живут духи. Что нельзя ходить после заката, нельзя свистеть, нельзя называть своё имя вслух.

– А ты веришь? – Варвара не подняла головы.

– Раньше верил. В детстве. А потом уехал в город и... отвык.

– От чего отвык?

Сергей помолчал.

– От всего. От леса. От духов. От того, что мир – больше,

чем видно глазами.

Варвара выпрямилась. Посмотрела на него серьёзно.

– Тот мир никуда не делся, Серёжа. Просто в городе его не слышно. Там слишком много шума.

– А здесь?

– А здесь – слышно. – Она помолчала. – Если хочешь слышать.

Сергей не нашёлся, что ответить. В её словах не было мистики, заговоров, страшилок. Только простая уверенность человека, который живёт рядом с чем-то большим и давно к этому привык.

– Ты как моя мать говоришь, – сказал он наконец.

– Может быть. – Варвара пожала плечами. – А может, твоя мать просто не научилась слышать.

***

На пятый день пошёл дождь. Сергей сидел в материнской избе, смотрел, как струи воды стекают по стеклу. Ольга Васильевна пряталась у печи – молча, как всегда. Между ними было шагов пять, но казалось – верста.

– Матушка, – сказал Сергей. – Расскажи мне про отца.

Веретено замерло. Но мать не обернулась.

– Зачем тебе?

– Хочу понять. Почему он уехал. Почему вы разошлись. Почему...

– Почему он забрал тебя? – Ольга Васильевна усмехнулась. – А ты сам не догадался?

– Нет.

Мать помолчала. Потом заговорила – медленно, будто вытягивая слова из себя по одному.

– Твой отец хотел другой жизни. Городской. Чистой. Без земли, без духов, без памяти предков. Он думал, что можно уехать и начать сначала. Что боги не дотянутся до Москвы.

– И что?

– И ничего. – Она пожала плечами. – Уехал. Добился чего-то. Умер.

– А проклятие?

Веретено снова замерло.

– Какое проклятие?

– Ты сама говорила. Про землю. Про богов. Про то, что он не должен был покупать участок в Ольховке.

Ольга Васильевна медленно обернулась. Глаза у неё были тёмные, непроницаемые.

– Я много чего говорила. Не всё надо помнить.

– Но я помню.

– Тогда забудь. – Голос её стал жёстким. – Забудь и живи своей жизнью. В Москве. Далеко отсюда.

– А если я не хочу в Москву?

Мать смотрела на него долго. Потом отвернулась к прялке.

– Тогда ты дурак, Серёжа. Как и твой отец.

***

На шестой день он снова встретил Варвару. Она стирала

бельё у ручья – того самого, где росла черника. Увидев его, улыбнулась.

– Никак не уедешь?

– Никак.

– И чего тебя держит?

Сергей присел на камень рядом с ней. Помолчал, глядя, как её руки мнут ткань в холодной воде. Сильные руки. Ловкие.

– Ты, – сказал он просто.

Варвара замерла. Подняла на него глаза.

– Что?

– Ты меня держишь. Не могу уехать. Думаю о тебе день и ночь. Закрою глаза – вижу твоё лицо. Это... – он запнулся. – Я не знаю, что это. Колдовство какое-то.

Варвара не отвела взгляд. И не засмеялась. Только сказала тихо:

– Не колдовство. Просто так бывает.

– У тебя бывало?

– Нет. – Она покачала головой. – До тебя – нет.

Он взял её за руку. Мокрую, холодную от воды. Она не отняла.

– Варя, – сказал Сергей. – Выходи за меня замуж.

Она молчала. Долго, так долго, что он испугался. Подумал: сейчас засмеётся. Или скажет, что он дурак. Или просто встанет и уйдёт.

Но Варвара только сжала его пальцы.

– Ты неделю меня знаешь, – сказала она.

– Хватит.

– Ты городской. Я деревенская.

– И что?

– Твоя мать меня не примет.

– Это моё дело, не её.

Варвара смотрела на него – серьёзно, пристально, будто пыталась заглянуть внутрь. И он вдруг понял: она видит. Видит что-то, чего он сам о себе не знает.

– Будет трудно, – сказала она наконец. – Я знаю. Чувствую.

– Мне всё равно.

– А мне нет. – Она вздохнула. – Но всё равно – да. Выйду за тебя, Серёжа.

Он хотел обнять её, поцеловать – но она отстранилась.

– Не здесь. – Она оглянулась по сторонам. – Увидит кто – сплетни пойдут. Сначала сделай всё по-людски. Приходи к тятё, поговори. С дарами приходи, с уважением. Он мужик старой закваски, ему это важно.

– Приду. Завтра же приду.

– Приходи. – Она улыбнулась. – Только настойки не забудь. Тятя вишнёвую любит, владимирскую.

***

На седьмой день Сергей пошёл к Андреевым свататься.

Сватов у него не было – родни в Кленовке, кроме матери, не осталось. А мать... с матерью он попробовал поговорить

утром.

Она стояла в огороде, подвязывала яблоню. Сергей подошёл, откашлялся.

– Матушка. Я жениться надумал. На Варваре Андреевой.

Ольга Васильевна не подняла головы.

– Слышала.

– Сегодня пойду свататься. Без сватов – некого слать.

Но с дарами, как положено. Ты сама меня учила.

– Учила.

– Если согласятся – свадьбу здесь играть будем. В нашем доме. Как положено, в доме жениха.

Мать выпрямилась. Посмотрела на него.

– В нашем доме?

– Да. Я крышу починил. Стены крепкие. Места хватит.

Ольга Васильевна молчала. Сергей ждал возражений, но их не было. Мать только пожала плечами и снова склонилась к яблоне.

– Делай как знаешь, – сказала она.

Сергей принял это за согласие.

***

Дом Андреевых стоял на краю села Ольховка. Добротный пятистенок, резные наличники, петух на коньке. Сергей помнил его с детства – бегал мимо мальчишкой, заглядывал через забор.

Он остановился у калитки. В одной руке – бутылка с настойкой, в другой – индюк. Злой, с переливчатым хвостом.

Всю дорогу пытался клюнуть в запястье.

– Ну, с Богом, – сказал себе Сергей и толкнул калитку.

Полкан, старый пёс у крыльца, поднял голову. Посмотрел мутными глазами. Уронил морду обратно на лапы.

Дверь открылась прежде, чем Сергей успел постучать. На пороге стояла Варвара. В чистом платье, с косой, перевитой алой лентой.

– Пришёл, – сказала она тихо.

– Пришёл.

Она посмотрела на индюка. На бутыль. Прикусила губу, пряча улыбку.

– Тятя в горнице. Мама тоже. Заходи.

Сергей вошёл. В сенях пахло хлебом, капустой, травами. Знакомый с детства запах – запах деревенского дома.

Тимофей Архипович сидел у стола. Большой, бородатый, с руками как лопаты. Рядом – жена, Татьяна Степановна, маленькая, быстрая. Оба уставились на гостя. Вернее – на индюка.

Сергей поклонился.

– Здорово, Тимофей Архипович. Здорово, Татьяна Степановна. Простите, что без сватов – не нашлось людей. Пришёл сам, с уважением.

Он поставил индюка на пол. Достал из сумки хлеб и соль, положил на стол. Вынул бутыль.

– Вот. Вишнёвая, владимирская. Помню, вы такую любите.

Тимофей молча смотрел на подношения. Потом хмыкнул.

– Помнишь, значит. А я думал, в Москве всё позабыл.

– Не всё.

– У Рябого брал? – Тимофей кивнул на индюка.

– У него.

– Ободрал небось?

– Было дело.

Тимофей усмехнулся. Что-то в его глазах потеплело.

– Садись, Сергей Иванович. Говорить будем.

***

Разговор вышел короткий. Тимофей спрашивал – Сергей отвечал. Про работу, про Москву, про землю в Ольховке. Про мать – почему не пришла.

– Она не против, – сказал Сергей. – Просто... она такая.

Молчит больше.

Тимофей переглянулся с женой.

– Ольга Васильевна – баба особая, – сказал он. – Это все знают. Но ты – не она. И Варька моя – не дура, сама выбрала.

Он посмотрел на дочь.

– Варь. Иди сюда. Скажи при всех: хочешь за него?

Варвара подошла. Встала рядом с отцом. Посмотрела на Сергея – долгим, серьёзным взглядом.

– Хочу, тятя.

– Ну, значит, решено. – Тимофей хлопнул ладонью по столу. – Свадьбу где играть думаете?

– У нас, – ответил Сергей. – В доме жениха, как положено.

Я матери сказал, она согласилась.

Тимофей кивнул с одобрением.

– Это правильно. Это по обычаю. – Он помолчал. – И ещё, Сергей Иванович. Обидишь дочь – достану из-под земли. Понял?

– Понял.

– Добро. – Тимофей откинулся назад. – Татьяна, носи рюмки. Выпьем за молодых.

***

Домой Сергей вернулся затемно. Голова слегка шумела от настойки, в груди было тепло.

Мать сидела у окна. Не прятала. Просто смотрела в темноту.

– Согласились, – сказал Сергей. – Через две недели венчание. Свадьбу здесь играем, как договорились.

Ольга Васильевна не обернулась.

– Хорошо, – сказала она ровным голосом.

Сергей хотел сказать что-то ещё – спросить, рада ли она, будет ли помогать с приготовлениями. Но мать молчала, и он не решился.

– Спокойной ночи, матушка, – сказал он и пошёл к лавке.

Ольга Васильевна не ответила.

Сергей лёг, закрыл глаза. Думал о Варваре – о её улыбке, о тёплых пальцах, о том, как она сказала: «Выйду за тебя, Серёжа». Через две недели она станет его женой. Они будут жить здесь, в этом доме, а потом построят свой – в Ольховке, на отцовской земле.

Всё будет хорошо.

За окном выла собака. Или не собака.

Мать всё ещё сидела у окна, неподвижная, как тень.

Сергей не видел её лица. Не видел, как она смотрит в темноту – туда, где за лесом лежала Ольховка, где стоял требный камень, где земля помнила каждую пролитую каплю крови.

Он не знал, что мать уже приняла решение.

Он ещё верил, что всё будет хорошо.

Глава 4

Октябрь 1905 года. Село Кленовка Владимирской губернии.

До свадьбы оставался один день.

Сергей с утра носился по селу – договаривался с мужиками насчёт подвод, заказывал у бабы Агафьи пироги, проверял, хватит ли лавок в горнице. Мать не помогала. Сидела у окна, пряла своё бесконечное полотно и молчала. Сергей давно перестал ждать от неё участия. Главное – не мешает.

К вечеру он вернулся домой усталый, но довольный. Всё было готово. Завтра утром – венчание в Кленовской церкви, потом застолье здесь, в материнском доме. Варвара станет его женой. Они начнут новую жизнь.

Он толкнул дверь – и замер на пороге.

Посреди горницы стоял его сундук. Тот самый, с которым он приехал из Москвы. Рядом лежала котомка с вещами – рубахи, бритва, запасные сапоги. Всё аккуратно сложено.

Ольга Васильевна сидела у стола. Не прятала. Руки лежали на коленях, лицо было спокойным. Слишком спокойным.

– Матушка, – Сергей шагнул внутрь. – Это что?

– Твои вещи, – ответила она ровно. – Забирай и уходи.

Сергей не сразу понял. Стоял, смотрел на сундук, на котомку, на мать.

– Как – уходи? Завтра свадьба. Здесь. Мы же договорились.

– Не договаривались. – Ольга Васильевна подняла на него глаза. – Ты сказал. Я промолчала. Это разные вещи.

– Но ты же... – Сергей запнулся. – Ты не возражала!

– А теперь возражаю.

Он почувствовал, как внутри поднимается злость. Горячая, тяжёлая.

– Накануне свадьбы? Когда всё готово? Когда люди приглашены?

– Люди переживут. – Мать говорила спокойно, будто о погоде. – А ты – женись, где хочешь. Только не в моём доме.

– Почему?

– Потому что я так решила.

– Это не ответ!

Ольга Васильевна медленно встала. В свете лучины её лицо казалось вырезанным из старого дерева – жёсткое, неподвижное.

– Ты хочешь ответ? – спросила она. – Хорошо. Я скажу тебе ответ.

Она подошла ближе. Остановилась в двух шагах.

– Твой отец привёз в этот род проклятие. Не знаю, где он его подцепил – может, в Москве, может, раньше. Но оно есть. Я его вижу. Оно висит над вами, над всеми мужчинами вашей крови, как тень. И ты хочешь привести в мой дом женщину, чтобы она рожала детей под этой тенью?

Сергей стиснул зубы.

– Суеверия. Бабы сказки.

– Называй как хочешь. – Мать не отвела взгляд. – Но я не дам тебе благословения. И свадьбы в моём доме не будет.

– Тогда будет в другом месте.

– Будет. Но без меня.

Они стояли друг напротив друга – мать и сын, одной крови, одного упрямства.

– Ты пожалеешь, – сказал Сергей. – Когда внуки родятся, когда...

– Внуки, – перебила Ольга Васильевна, и голос её дрогнул – впервые за весь разговор. – Ты думаешь о внуках. А я думаю о том, сколько из них доживёт до старости.

Сергей похолодел.

– Что ты такое говоришь?

– Правду. – Мать отступила на шаг. – Ту правду, которую ты слышать не хочешь. Ваш род болен, Серёжа. И каждый новый ребёнок – это ещё одна жертва. Ты не понимаешь этого сейчас. Но поймёшь. Потом.

Она повернулась и пошла к печи.

– Забирай вещи. И уходи.

Сергей стоял, не двигаясь. В голове было пусто. Он хотел кричать, спорить, доказывать – но слова застряли в горле. Мать говорила страшные вещи. Безумные вещи. И при этом голос её был таким ровным, таким уверенным, будто она просто сообщала, что завтра будет дождь.

– Я вернусь, – сказал он наконец. – Когда ты придёшь в себя.

– Не вернёшься, – ответила Ольга Васильевна, не оборачиваясь. – Ты теперь сам по себе. Как и твой отец.

Сергей подхватил сундук, закинул котомку на плечо. Остановился у двери.

– Ты моя мать, – сказал он глухо. – Что бы ты ни говорила – ты моя мать.

Ольга Васильевна молчала.

Сергей вышел в ночь.

***

К Андреевым он добрался за полчаса. Шёл быстро, почти бежал, не разбирая дороги. В голове всё ещё звучали материнские слова: «Сколько из них доживёт до старости». Бред. Безумие. Но почему-то от этих слов холодело в груди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.